

Маст. Календарик, - 1999, - 9 месяцев, - с. 7.

Шампанское и устрицы для младенца

На классический вопрос: "Когда вы начали танцевать?" — Айседора отвечала: "Во чреве матери, вероятно, под влиянием пищи Афродиты — устриц и шампанского". Перед ее рождением мать, брошенная отцом Айседоры, находясь в тяжелом, депрессивном состоянии, не могла питаться ничем, кроме замороженных устриц и ледяного шампанского. Может быть, эта изысканная пища некоторым образом повлияла на жизненный путь артистки, так напоминавший историческое кипение дорогого шампанского вина. А танцевать Айседора начала действительно рано: ребенком ее ставили на середину стола, и она танцевала под любую мелодию, которую ей играли.

Сначала в ней пробудился танец, а потом — любовь. Юной девушкой она сгорала от нетерпения скорее узнать, что это за таинственная страна — любовь. Но очень долго ее граница оставалась для нее закрытой.

Венгерская рапсодия

Все произошло в 1902 году в Будапеште, где двадцатичетырехлетняя Айседора впервые выступала перед широкой публикой. Была весна, апрель, город утопал в цветах сирени. Мягкие лунные ночи, дикий восторг публики, венгерские вина, воздух, напоенный сладким ароматом сирени, и беззаботные страстные люди. Все подогревало ее чувства, "все пробуждало сознание, что мое тело не только инструмент, выражающий священную гармонию музыки, — вспоминает Айседора. — Мои маленькие груди стали незаметно наливаются, смущая меня приятными и удивительными ощущениями. Бедра, напоминавшие еще недавно бедра мальчика, начали округляться, и по всему моему существу разлилось одно огромное, волнуемое, настойчивое желание, в смысле которого нельзя было ошибиться".

Как-то, за дружеской беседой за стаканом золотого токаяского вина, ее глаза встретились с парой больших темных глаз, сиявших таким пылким обожанием и гонимых такой чисто венгерской страстью, что в одном их взгляде открывалось все значение будапештской весны. Они принадлежали высокому, великолепно сложенному венгру с копной густых черных кудрей и чувственным ртом. С первого взгляда их охватило страстное влечение друг к другу.

— Ваше лицо — цветок. Вы — мой цветок, — без конца повторял он, обращаясь к Айседоре.

Это был молодой драматический артист Оскар Бережи, ставший впоследствии венгерской знаменитостью. Как-то вечером, не справившись с охватившей их страстью, они бросились в объятия друг друга, а утром тихонько сбежали из отеля, где Айседора жила с матерью, отправившись в деревню. Здесь они провели несколько радостных дней и ночей, а об оргазме, впервые испытанном Айседорой, она впоследствии вспоминала: "Все в жизни, включая и твоё искусство, призрачно и глупо по сравнению с сиянием этой минуты, и ради нее я охотно отдаюсь разврату, уничтожению, смерти. Пусть судит меня тот, кто может, но скорей винит Природу или Бога за то, что Он сотворил эту минуту более ценной и более желанной, чем все остальное во Вселенной".

Стакан молока под Канта

Айседора не только в танце, но и в жизни отличалась оригинальностью. Отрицала брак как институт закабаления женщины. Гравда, ради Сергея Есенина изменила своим убеждениям и официально оформила союз. Но это уже было много позже, когда время весны-лета ее жизни прошло, и подбиралась холодная зима. На сцене Дункан появлялась почти обнаженной: ее сценический наряд состоял из легкой прозрачной туники. В те времена, когда тело танцовщицы упаковывалось в обязательное шелковое трико цвета семги, это была революция. Платье-туника стало ее традиционной одеждой и в жизни — шерстяное зимой, легкое полотноное летом. Она ввела моду на новый купальный костюм, состоявший из светло-голубой туники тонкого крепдешина с глубоким вырезом, с обложкой чуть выше колен и голыми ногами. Это тоже было сенсацией, если вспомнить, что дамы имели тогда обыкновение купаться одетыми в строгие черные наряды — в длинных юбках, в черных чулках и черных купальных туфлях. Как-то эригерод Фердинанд, увидев Дункан на берегу в ее свободном купальном костюме, громко прошептал: "Ах, как хороша эта Дункан! Как чудно хороша! Весна не так хороша, как она..."

Еще она увлеклась философией и выучила немецкий язык, чтобы в оригинале читать труды Шопенгауэра и Канта. Часто, вернувшись после спектакля домой, до поздней ночи сидела со стаканом молока на столике и с "Критикой чистого разума" Канта в руках, где черпала вдохновение для своего танца. Правда, кроме молока, Айседора любила и другие напитки: шампанское, пиво, водку, к которой пристрастилась в России.

Лучезарный свет его глаз

После будапештской весны Айседора вела целомудренный образ жизни. Никаких интимных знакомств — только танец, а еще увлечение Грецией и музыкой Рихарда Вагнера. Но в Байрете, куда она приехала по приглашению вдовы Вагнера Козимы, любовь вновь пробуждается в ней, хотя в несколько иной форме.

Однажды ночью, выглянув из окна отеля, она увидела, что под деревом стоит невысокий худощавый человек. Показавшаяся вдруг луна осветила его лицо, и Айседора узнала Генриха Тоде, немецкого историка искусств. Каждую ночь он дежурил под ее окнами.

Накинув пальто на ночную рубашку, Айседора выбежала на улицу и привела Генриха к себе. Он признался, что любит ее. Но ни в ту ночь, которую он провел у нее, ни в последующие Тоде не подходил к ней в обычной любовной лаской. Он покорил ее лучезарным взглядом, от которого кругом все будто расплывалось, и дух ее на легких крыльях несся к горным высотам. Каждый вечер Тоде приходил к ней, но никогда не пытался держать себя как любовник. Он не пробовал раскрывать ее "тунику, догнаться до груди или вообще тела, хотя и знал, что каждый биением пульса она готова ему отдаться". Под взглядом его глаз в ней просыпались ощущения, о существовании которых Айседора даже не подозревала, — такие блаженные, что она часто теряла сознание, чувствуя, как удовольствие убивает ее, и приходило в себя только от блеска его удивительных глаз. Его обращение с ней так обострило все ее чувства, что одно прикосновение, а иногда один только взгляд давал ей "всю остроту и глубину наслаждения, испытываемого во время полового акта". Подобный любовный экстаз не мог продолжаться долго — его сменило состояние вечного раздражения и безумного неудовлетворенного желания. Стремясь избавиться от наваждения, Айседора отправляется в свой первый гастрольный тур по России.

Единственный несоблазненный

Россия. Морозный воздух, снег, русская пища, особенно икра, быстро вывели ее от истощения, вызванного духовной любовью. И ей страстно захотелось любви земной. Тем более что рядом оказался приятный во всех отношениях мужчина. Режиссер, реформатор театра Константин Станиславский. Он увлечен танцем Дункан, часто приходит к ней за кулисы. Как-то вечером, глядя на его благородную красивую фигуру, широкие плечи, черные, чуть серебрившиеся на висках волосы, Айседора обвила его сильную шею руками, прижала голову к себе и поцеловала в губы. Он нежно вернул ей поцелуй, но на лице его было написано крайнее изумление. Затем, когда она попыталась привлечь его к себе еще ближе, он отшатнулся и вскричал: "Но что мы будем делать с ребенком?!" — "Каким ребенком?" — спросила Айседора. "Нашим, конечно. Что мы с ним сделаем? Я никогда не соглашусь, чтобы мой ребенок воспитывался на стороне..."

До ребенка еще было слишком далеко, и Айседора громко расхохоталась. Станиславский же растерянно отвернулся и поспешил удалиться. Всю ночь Айседора просыпалась от смеха, но, смеясь,

Этому танцу нельзя было научиться или повторить его: он рождался, подобно стихам поэта, из глотка воздуха. АЙСЕДОРЕ ДУНКАН, американке, в жилах которой текла ирландская кровь, "божественной босоножке", как ее называли современники, этот танец был дарован небесами. Однажды, танцую на бис, Дункан обратилась в зал: "Сейчас я буду танцевать философию своей жизни!" И начался танец, в котором она вступала в бой с воображаемой дверью. Снова и снова танцовщица бросалась на нее, а неподатливая дверь раз за разом отбрасывала ее назад. Наконец, невероятным усилием воли, Айседора собрала оставшиеся силы и в последний раз вступила в бой с невидимой дверью. И неприступная дверь, не выдержав, отворилась...

АЙСЕДОРЕ

была вне себя от злости. После этого случая Станиславский больше уже не решился заходить к ней и оставлять ее наедине, и Айседора смирилась с тем, что скромника Станиславского ей не соблазнить никогда.

Еще один режиссер

А вот с другим великим режиссером ей удалось не только пережить красивый роман, но и родить от него ребенка.

В 1904 году, после одного из выступлений в Берлине, в гримерную к Айседоре вошел красивый, но очень рассерженный человек.

— Вы поразительны! — воскликнул он. — Необыкновенны! Но отчего вы украли мои идеи и где вы раздобыли мои декорации?

— О чем вы говорите?! Это мои собственные голубые занавесы! Я их придумала в возрасте пяти лет и с тех пор танцую на их фоне!

— Нет! Это мои декорации и мои идеи. Но вы же существо, которое я представлял себе среди них. Вы живое воплощение моих мечтаний.

— Но кто же вы?..

Это был сын выдающейся английской актрисы Элен Терри, режиссер и художник Эвард Гордон Крэг. Хрупкий, женственный на вид, он был сильным и яростным любовником. "Я всегда его вижу, как в ту первую нашу ночь, когда его белое, гладкое, блистательное тело освободилось от одежды, точно от кокона, и за сверкало во всем своем великолепии перед моими ослепленными глазами, — вспоминает танцовщица. — Мои глаза еще не насладились его красотой, как я почувствовала безумное влечение, почувствовала себя слабой, словно нашла своего друга, свою любовь, себя самое. Нас было не двое, мы слились в одно целое, в две половины одной души". Но после первых недель угония страстью началась ожесточенная война между двумя гениями сцены. "Почему вы не прекратите это? — кричал Айседоре Крэг. — Зачем вам нужно размахивать на сцене руками? Почему вы не сидите дома и не точите мои карандаши?!"

Прекратить "это" она не могла. Но зато смогла узнать другую огромную любовь, превышающую любовь мужчины. У Айседоры родилась девочка, котозой дали красивое ирландское имя — Дирдра. Через некоторое время после ее рождения Дункан решает расстаться с Крэгом. Причиной тому стало не только творческое соперничество, раздиравшее их союз, но и муки ревности, который каждый испытывал в отношении другого. Леккерство от ревности само пришло к Айседоре.

Музыкальный момент

Он пришел к Айседоре как-то днем — молодой добродушный голубоглазый блондин — и сказал: "Друзья зовут меня Пим".

— Пим! Какое очаровательное имя! Вы художник? — О нет.

— Тогда чем же вы замечательны? Великими мыслями?

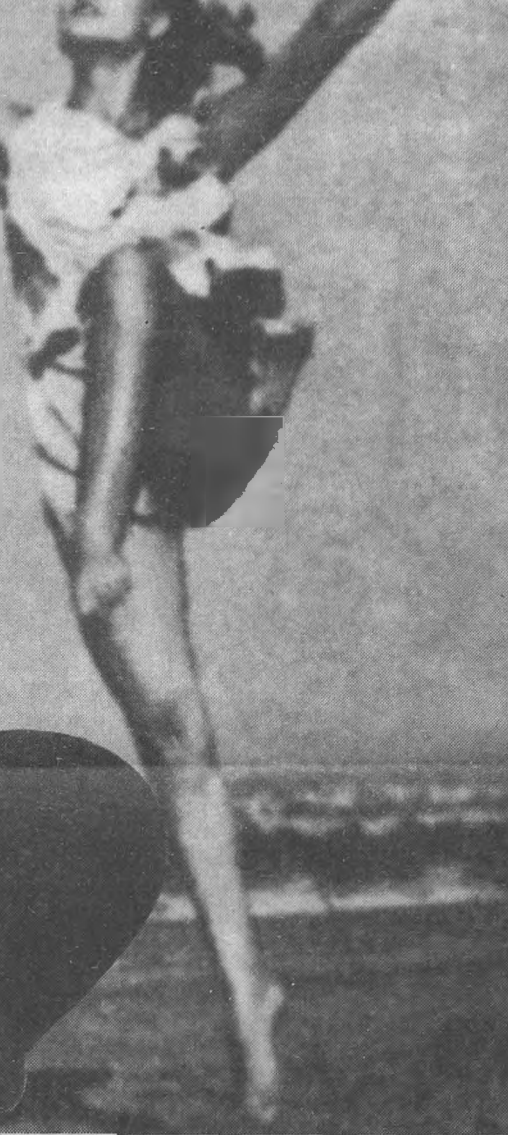
— О нет! У меня вообще не бывает мыслей.

— Что же вы делаете?

— Ничего.

— Есть же у вас какое-нибудь занятие?

— Да, я собираю табакерки восемнадцатого столетия. — ответил он после некоторого размышления. Недолго думая Айседора сбежала с ним в Россию на очередные гастроли. По приезде в Петербург танцовщица была удивлена, когда увидела, как носильщик вытаскил из вагона 18 сундуков с инициалами Пима.

ПЛАЧ

успех у русской публики, что ей приходилось повторять по пять раз в один вечер. Эта миниатюра стала танцевальным ответом на минутное удовольствие, полученное от Пима.

Страшное предзнаменование

Всю жизнь Айседора горела навивным желанием изменить не только искусство, но и мир. Для этого, как ей казалось, нужно совсем немного: создать школу танца, где она сможет воспитывать детей в духе эллинистической красоты, а те в свою очередь приобщат к прекрасному множество других. И жизнь на земле неузнаваемо преобразится. Ей удалось организовать такую школу, но тех средств, что она зарабатывала, не хватало на ее содержание. Как-то она воскликнула в сердцах: "Так не может продолжаться! Надо найти миллионера, чтобы школа продолжала существовать!" Случайно высказанное желание преследовало ее днем и ночью. "Я должна найти миллионера!" — повторяла она по сто раз на дню.

И вот как-то утром горничная подала ей визитную карточку, на которой Айседора прочла хорошо известное имя. "Вот мой миллионер!" — воскликнула она.

Это был Парис Юджин Зингер, сын известного производителя швейных машинок, один из самых богатых людей в Европе. Увидев его, Айседора испытала странное чувство: ей казалось, что они где-то уже встречались. Только она никак не могла вспомнить где. Наконец вспомнила. Это произошло на похоронах князя де Полиньяка, одного из ее ранних покровителей в Париже. Первая встреча около гроба — какое страшное предзнаменование, промелькнуло в голове у Айседоры.

Зингер предложил взять на себя расходы по содержанию школы Дункан, чтобы та могла спокойно создавать новые танцы. Начался еще один бурный роман танцовщицы. Но впервые к любви примешался сладкогорький вкус денег. Зингер не скупился на внимание и роскошные подарки. Приемы, маскарады, дорогие ужины — "босоножка" кружилась в вихре беззаботных удовольствий. Вскоре у Айседоры рождается сын от Зингера, которого назовут Патрик.

Траурный марш

Однажды вечером, когда Зингер и Айседора давали азиатский костюмированный бал в ее студии в парижском доме, Зингер внезапно приревновал артистку к одному из ее друзей, вышел из себя и публично объявил о своем разрыве с Айседорой. Он уехал в Египет, предварительно объявив о своем отказе от строительства для нее театра.

Как обычно, когда любовные отношения Айседоры давали трещину, она погружалась в работу. И поехала на гастроли в Россию.

Здесь ее начинают мучить страшные галлюцинации. По дороге в отель в сутробах, стоявших по обочине дороги, ей внезапно привиделись очертания двух гробов. Другое не менее страшное событие произошло в ночь в поезде. Когда она вдруг явственно услышала "Траурный марш" Шопена, взрывавший своей печальной мелодией спокойствие ночи. На следующий вечер она stanцевала этот марш так, как услышала его в поезде, причем без всякой репетиции. Зрители кто в ужасе, кто со слезами на глазах наблюдали за горестным танцем Дункан.

Вернувшись в Париж, даже в счастливой обстановке своего дома, в окружении детей, она продолжала страдать ужасными видениями. Чтобы сменить обстановку и немного отдохнуть, она уезжает вместе с детьми в Версаль. После ночи, проведенной там, Айседора забывает о своих страхах. А когда на следующий день возвращается вернувшийся в Париж Зингер и пригласил ее с детьми на лэнч в город, она почувствовала себя просто счастливой. Лэнч прошел прекрасно. Зингер был рад увидеть своего маленького сына Патрика — ему в то время было чуть больше трех лет, и Дирдра — ей уже было шесть с половиной. Дети, глядя на которых, все приходили в восторг, сравнивая их с ангелами. Все прежние недоразумения были забыты, и бывшие любовники принялись с воодушевлением строить планы на будущее. После лэнча они расстались: Зингер уехал по своим делам, Дирдра, Патрик и гувернантка поехали назад в Версаль, а Айседора отправилась на репетицию к себе в ателье.

"Искусство, успех, богатство, любовь и, главное, прелестные дети" — улыбаясь, думала про себя Айседора, готовясь к репетиции.

В объятиях Сены

На обратной дороге автомобиль, в котором ехали гувернантка, Дирдра и Патрик, заглох, шофер вышел, чтобы проверить мотор. Внезапно мотор заглох, и автомобиль стал задом катиться к Сене. Шофер бросился к двери, но не смог открыть ее, ручку заклинило, машина накренилась и сползла в реку. Когда машину наконец подняли из реки, оба ребенка и их гувернантка были мертвы.

Узнав о гибели детей, Айседора не плакала: она впала в возвышенное состояние, как будто на нее снизошел истинный смысл сострадания, и она жалела весь мир. Те, кто был рядом с ней, говорили, что она лишь стремилась облегчить их горе. Она не забыла похоронить перед прокурором за несчастного шофера, которого задержала полиция. "Он — отец, и я должна знать, что он вернулся в семью". Состояние возбуждения поддерживало ее и тогда, когда в крематории на ее глазах сжигали три гроба, и в течение всей церемонии похорон, и во время ее посещения Зингера в больнице, заболевшего сразу после трагедии. Все в Париже были потрясены трагедией Айседоры и ее мужеством. Она не плакала, но вновь и вновь вспоминала Дирдрэ и Патрика. И то, как однажды Дирдрэ сказала ей: "Мама, я так люблю Патрика, что никогда не расстанусь с ним". Когда деты выплывали из воды, Дирдрэ крепко сжимала в своих объятиях брата.

Подарите мне ребенка

После того как все необходимые формальности были закончены, силы покинули Айседору — на нее обрушилась страшная депрессия. Ее преследовали образы детей, ей казалось, что они рядом с ней: вот они поют и танцуют, вот она обнимает, разговаривает с ними. Близкий друг танцовщицы Элеонора Дузе приглашает ее к себе, чтобы как-то облегчить страдания бедной Айседоры. Но все безрезультатно. Однажды, гуляя по берегу, Айседоре показалось, что она видит бегущих ей навстречу Дирдрэ и Патрика. Она бросается к ним, но дети исчезают в водяных брызгах. Испугавшись, что она сходит с ума, Айседора упала на землю и громко закричала. И тут кто-то дотронулся до ее головы. Перед ней склонился молодой человек: "Я могу вам чем-нибудь помочь?" — спросил он.

В отчаянье Айседора ответила: "Да, спасите меня. Подарите мне ребенка". Их связь была недолгой: молодой итальянец был помолвлен. Когда он порвал с ней и вернулся к невесте, Айседора не сердилась на него. Напротив, она была благодарна ему за любовь, потому что снова была беременна и верила, что новый ребенок будет Дирдрэ или Патриком, вернувшимся в ее объятия.

1 августа 1914 года у нее родился сын — услышав его крик, Айседора едва не задохнулась от счастья. Она вновь держит в объятиях собственного ребенка! Это счастье было недолгим: через несколько часов мальчик умер.

Русская осень

В 1921 году Айседора вновь приезжает в Россию — на этот раз уже в красную. Ей 44 года — от "божественной босоножки" осталось лишь воспоминание. Но новая Россия ее любит не менее пылко, чем старая. Ведь она — танцовщица-революционерка, мечтающая о гибели капитализма. Танцевать она уже почти не может, но это ей ничуть не мешает наслаждаться овациями Большого театра, сигнал к которым подает из царской ложи сам Ленин.

В Москве Айседора переживает не последний, но очень драматичный роман с Сергеем Есениным. Есть несколько описаний их первой встречи. Согласно одним свидетельствам, Есенин сам стремился познакомиться с импортной знаменитостью, а увидев ее, упал перед ней на колени. По другой, все произошло не так романтично, но зато в духе Есенина.

После первого спектакля на банкете, устроенном в ее честь, Айседора увидела Есенина. Взысканная успехом, она чувствовала себя по-прежнему прекрасной. Танцовщица подошла к Есенину и, не долго думая, обняла и поцеловала в губы. Есенина, уже успевшего напиться, поцелуй Айседоры привел в ярость. Он оттолкнул ее: "Отстань, стерва!" Не понимая, она поцеловала Есенина еще крепче. Тогда он, размахнувшись, дал ей звонкую пощечину. Айседора ахнула и в голос, как деревенская баба, зарыдала. Сразу протрезвевший Есенин бросился целовать ей руки, утешать, просить прощения. Айседора простила. Бриллиантом кольца она тут же, на оконном стекле, нацарапала: "Есенин — хулиган, Есенин — ангел". Так началась их любовь. Смешная, восхитительная, страшная.

Временами Есенин любил ее изо всех сил, не оставляя ни на минуту одну, заботливый и нежный возлюбленный, он ловил каждый ее взгляд. Но вдруг его раздирали приступы бешенства. Он ругал Айседору последними словами, бил, убежал к Анатوليو Марингофу, тайно ревновавшему друга. Затем Есенин вновь возвращался к Айседоре, просил прощения, вновь ласки, потом опять ругань, скандалы, очередной побег к друзьям... Как и в отношениях с другими женщинами, здесь чувствительность Есенина была неспособностью справиться со своей бисексуальностью, его скрытая тяга к мужской дружбе. К тому же поэту трудно было смириться с мировой славой танцовщицы. Почему же Айседора простила Есенину его дикие выходы? Она восхищалась его дарованием, юностью, красотой, она говорила, что он ей напоминает ее погибшего сына. Если бы Патрик заболел, неужели бы она не стала заботиться о нем? Как ни странно, приступы ярости Есенина оказывали на нее успокаивающее действие. Они особенно бодрили ее от собственной муки. Вскоре роман танцовщицы и гонимого ею в сыновьях крестьянского поэта завершился законным браком. Айседора и Есенин зарегистрировались в московском загсе и уехали за границу. Европа, Америка, вновь Европа... Всему приходит конец. Пришел конец и их драматическим отношениям. Айседора уехала от Есенина, к тому же с каждым разом он вел себя все более глупо и цинично, говорил гадости об ее детях. В ноябре 1923 года, по возвращении в Россию, после очередного скандала они окончательно расстались.

Узнав в Париже в 1925 году о самоубийстве Есенина в отеле "Англетер", в том самом номере, где они жили во время первой совместной поездки, Айседора призналась: "Я была потрясена смертью Сергея, но я рыдала и страдала из-за него так много, что, мне кажется, он исчерпал все человеческие возможности для страдания".

Годом позже в счет уплаты долгов артистки была выставлена на продажу последняя собственность Айседоры — дом в Нюи. За день до торгов Айседора получила извещение из московского суда о том, что как официальная вдова Есенина она наследует гонорары за его стихи, составлявшие на тот момент около 400 тысяч франков. Айседора телеграфировала в Москву, что отказывается от наследства и просит поделить его между матерью и сестрами поэта. На другой день дом в Нюи, который можно было спасти, не отажились она от наследства, был продан за 310 тысяч франков.

Красный шарф

Те, кто видел танец Айседоры, надолго сохранили о нем память. Хулигана Есенина он также не оставил равнодушным, особенно тот странный танец с шарфом, который она исполняла перед поэтом. "Держит она шарф за хвост, а сама в пляс. И кажется, не шарф — а хулиган у нее в руках... Хулиган ее и обнимает, и треплет, и душист... А потом вдруг — раз! — и шарф у ней под ногами. Сорвала она его, распотопала — и кришка! Нет хулигана, смятая тряпка на полу валяется... Сердце сжимается. Точно это я у нее под ногами лежу. Точно это мне кришка".

Последний танец с шарфом Айседора исполнила в Ницце 14 сентября 1927 года. Здесь она в очередной раз влюбляется: ей пригласился молодой водителем-итальянец, эффектно смотревшийся на фоне спортивного автомобиля "Бугатти". Айседора решает покатайся с ним в автомобиле. Она выходит из отеля с повязанным вокруг шеи красным шарфом, садится в машину. Помахав рукой, она крикнула: "Прошайте, друзья, я еду к славе!" Автомобиль дернулся вперед, потом внезапно остановился — окружающие увидели, как голова Айседоры резко упала на край двери. Ее красный шарф попал на ось колеса и, заткнувшись, задушил "божественную босоножку".